

A large, full-canopied tree with vibrant yellow and orange autumn leaves stands as the central focus. Behind it, a multi-story building with a light-colored facade and a dark roof is partially visible. To the left, a smaller tree with similar autumn foliage and a green fence are seen. The sky is a pale, clear blue. The overall scene is a peaceful autumn day in an urban or suburban setting.

ОКСАНА ТКАЧЕНКО

**ОЖИДАЯ
РАДУГУ**

Оксана Ткаченко

**Ожидая радугу.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Ткаченко О.

Ожидая радугу. Сборник рассказов / О. Ткаченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961965-5

Экзистенциальная тоска и одиночество — неотъемлемые составляющие каждого человека. Эмоции движут людьми, и многие идут у них на поводу. Только от мира, в котором герои обитают, никуда не деться. Его главная миссия — научить человека видеть себя в другом свете, понять и принять своё отражение. Иногда душа чувствует острые мгновения просветления, а порою дождь цвета пыли проникает в сердце, и тогда остаётся ждать свою радугу, заметить её в нужный момент, разглядеть в разноцветной дуге счастье.

ISBN 978-5-44-961965-5

© Ткаченко О.
© Издательские решения

Содержание

После дождя	6
Пока, друг!	9
Ожидая радугу	12
Застывшая радость	16
Профиль ангела	18
Одинокое чувство	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ожидая радугу

Сборник рассказов

Оксана Ткаченко

© Оксана Ткаченко, 2019

ISBN 978-5-4496-1965-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После дождя

Тёмно-сиреневые облака стремились заслонить солнце, пытавшееся протиснуться между ними, чтобы заявить о себе миру, и даже не заявить, а напомнить. Мрачное настроение неба отражалось на людях, особенно здесь, в серой обстановке таможенного поста. Пассажиры автобуса стояли на улице в ожидании. Секунды соединялись друг с другом, переплавлялись в минуты, которые неумолимо двигались вперёд, чтобы своими прозрачными тельцами образовать час. Время в дороге – потрясающее время. Любая задержка – искушение сердца, экзамен для ума. Создавалось ощущение, что время нарочно затянулось в корсет, вынуждая тех, кто торопится, неправильно дышать.

Почти час представители обоих полов вынуждены были провести в пассивном состоянии, которое они старались как-то раскрасить. Дикую жажду достичь нужного пункта приходилось подавлять. В голове ставилась точка простым карандашом, чтобы потом стереть ластиком. Всё раздражало. Раскачка собственного тела и духа осуществлялась посредством обычных действий. Курение, поедание чипсов и сухариков, конфет и булочек, чтение газет и разгадывание кроссвордов – нехитрые движения заполняли нервные, пустые промежутки. Наконец людей пригласили пройти в зал. Очередь шевелилась медленно. Таможенник внимательно вглядывался в фотографию в паспорте, сравнивал лица: настоящее и то, застывшее, с искусственной полуулыбкой и на несколько лет моложе. После проверки документов наступал осмотр багажа. Сумки как фигуристки на катке скользили на бегущей ленте и исчезали во мраке. Спустя пару секунд они выползали с другой стороны и их забирали хозяева. Пассажиры снова занимали сиденья под номерками, отчаянно мечтая поскорее продолжить путь. Марина Купцова была одной из мечтавших.

Девушка путешествовала не по собственному желанию. Хотя её желание всё-таки сыграло определённую роль в выборе маршрута. Главный редактор поручила Купцовой выполнить эпохальное задание – встретиться с губернатором области. На первый взгляд, казалось, что ничего эпохального в таком задании и нет. Увы. Лишь на первый взгляд. Ведь губернатор находился под стражей в чужой стране. Молодой журналистке доверили провести интервью в непривычном формате – в тюрьме. Чтобы добраться до места заключения известного чиновника требовалось преодолеть практически пять часов в изнурительном салоне автобуса, пропитанном запахами духов и пива, которые отвратительным образом смешивались с бензином и превращали слово «воздух» в недостижимый идеал.

Водитель заскочил в автобус и швырнул пачку бумаг в ящик. Послышались облегчённые вздохи. Граница молниеносно пропадала. И Марина, закрыв глаза, вспомнила, как начинался день...

Утром счастье бурлило под кожей. Она получила серьёзное задание! Впервые. В 23 года взять интервью у губернатора, да ещё в тюрьме – не каждому журналисту удаётся завоевать внимание редактора, чтобы отвоевать столь трудный материал для исследования. Для Купцовой данное интервью становилось в некотором смысле проверкой. Проверкой себя. Сумеет разговорить губернатора и узнать подробности махинаций – выиграла. Не сможет вытянуть из него ни слова, значит, проиграла. Она долго думала об этом человеке. Предстоящая сложная работа обрадовала девушку. Однако потом... Потом заныла душа. Зачем ей плестись в другой город, в другую страну ради какого-то мошенника? Чем глубже погружалась она в размышления о том, что совершил губернатор, тем сильнее ей не хотелось общаться с ним. Отказаться нельзя. Она уже в пути. Сердце дрожало, и дело заключалось не в холоде, а в страхе, который проник глубоко, словно в родной дом. Марина Купцова повторяла про себя заученные вопросы, ставшие жутко неинтересными. Смешно. Когда она составляла список тем для обсуждения, он чудился ей грамотным, увлекательным, затрагивающим значимые явления общественной

жизни. Теперь сфера теряла краски. Яркие тона, набросанные небрежным и одновременно уверенным жестом, превращались в бледные оттенки, которые тяжело назвать оттенками. Неповторимые мазки, оставленные художником-импрессионистом на картине. Скука замкнутого пространства. Отчётливо проявившаяся тоска существования, с которой журналистка пыталась бороться, воображая ответы интервьюируемого. Неожиданно в голове Марины всплыл одинокий монолог мужчины, стоявшего у кассы.

Зажав в руке деньги, она терпеливо дожидалась, когда перед нею растворится дюжина человек. Тихий стон, увеличивающий громкость, зазвучал, чуть ли не над ухом. Купцова оглянулась. Мужчина выдавливал из себя реплики. Напрасно. Его не слушали. Его не слышали. Его не хотели слышать. Аккорды автовокзала не имели возможности заглушить жалобный крик, выныривавший и тонувший в толпе.

– Я Афган прошёл. Меня должны везде пропускать. Ад. Там был ад. Вот на моих глазах погиб наш русский солдат. А погиб, знаете, от чьей руки? От руки ребёнка. Да-да. Милый шестилетний мальчик с ангельским личиком продал часы. Взрыв. И от русского паренька, от моего друга ничего не осталось. Ничего. Мне часто вспоминается невинный малыш. Он жертва хитрой души взрослого. Проклятые душманы. Они познакомили меня со страхом, с которым я уже несколько десятков лет живу. Что? Не хотите слушать? А я и в Махачкале был, ранили там. С тех пор я не питаюсь едой. Я подпитываюсь страхом, – бывший солдат провёл рукой по тонким седым волосам и тягостно вздохнул. – Не поймёте. За удовольствием спешите. Времени на сочувствие не остаётся.

Последние слова пробирались в сознание журналистки с болью. Она с удивлённой горечью обнаружила, что никто, кроме неё, не обращает внимания на бедного старика. Впрочем, какой он старик! Ему немного за пятьдесят, но потрёпанная жизнью внешность говорит о ранней старости. Люди у кассы были заняты собою. Кто-то болтал по мобильному телефону. Кто-то копался в сумке. Кто-то красил губы. Кто-то отсчитывал деньги на билет. Никому нет дела до событий прошлого. Никого не волнуют страдания незнакомца. «Равнодушие – элемент нашей действительности. Солдата жалко. А с другой стороны, может быть, он пьян? Придумал историю, чтобы ему оказали помощь? Никто не желает уступить ему место в кассу. Почему я должна уступать? Стоит ли верить или нет?» – рассуждала Марина.

Автобус отправлялся в дорогу через десять минут. За короткий период девушке пришлось наблюдать новые лица. Уличные торговцы, перебивая друг друга, предлагали товар. Любопытная натура Купцовой страстно разглядывала всех и всё. Её первое путешествие меняло цвета, подобно хамелеону. Она стремилась узнать мир в ином измерении и полюбить его. И она же отталкивала его, когда он показывал некрасивую часть. Известно, что путешествие расширяет кругозор. Однако стоит ли расширять его там, где обитает печаль? Изменения в строении души не всегда утешают. Не всегда умеют утешать после открытий.

– Пиво. Холодное пиво. Кто желает пива? Пиво. Холодное пиво. Кто желает пива? – визгливо произносил худощавый парень, то и дело, выставляя перед собой клетчатую сумку, в которой звенели бутылки.

– Носки. Кому надо ещё носки? – басом говорил толстяк, еле передвигаясь по салону.

Появился мужчина лет тридцати. Его длинные руки быстренько раздали каждому пассажиру по церковному календарю. Купцова сочла молчание скромностью, отсутствием предпринимательской жилки. Спустя мгновение решила, что календарь – подарок. Пока не услышала шёпот женщины, сидевшей сзади. Она с приглушённой вежливостью сказала маленькому сыну: «Надо купить календарь, так как у дяди не работают ушки и язык». Впереди Марина заметила пожилую особу, брезгливо державшую двумя пальцами календарь. Видимо, ей безумно хотелось вернуть его обратно продавцу. Глухонемой ушёл, и в салон прошмыгнула старая монахиня. Её чёрная одежда привлекала. Купцова оглянулась. Жительница монастыря просила милостыню. Просила... В адрес пассажиров раздались гневные фразы. Изумлению журна-

листки не было предела. Проклятиями сыпала монахиня. Вскоре она покинула автобус. Через полчаса он достиг таможни. Контроль выполнялся в традиционном, вялом порядке. Наконец-то транспортное средство, в котором находилась Марина, пересекло границу.

...Через сорок минут хлынул дождь. Рыдал долго. И только когда подъезжали к месту назначения, он внезапно вытер свои слёзы. Купцова перепрыгивала огромные лужи. Поездка утомила её. Она и не подозревала, что может так устать. Дорога сама по себе ничего. А вот люди... «Неужели в жизни есть лишь одни муки, грязные поступки, неприятные мысли, несовершенные тела, мерзкие капризы природы?» – со злостью подумала девушка. На глаза ей попался котёнок, который еле полз по пешеходной зебре. Зелёный свет замигал. Пушистого малыша игнорировали. Котёнок застыл на белой полоске, беспомощно посмотрел по сторонам, не зная, бежать или лучше умереть под колёсами. Марина вздрогнула. Да, для завершения дня ей как раз не хватало этого зрелища! Голова закружилась от воображаемого вида раздавленного несчастного детёныша. Вдруг проходивший мимо парень наклонился, подхватил котёнка и прижал к груди. Девушка заплакала: «Господи! Он спас его. Спасибо». Молодой человек шёл ей навстречу и улыбался, поглаживая нежную шёрстку. Пушистый малыш мурлыкал от удовольствия. Мужчина резко остановился, когда расстояние между ним и Купцовой составило пятьдесят сантиметров.

– Не пропустите красоту! – сказал спасатель животного и кивнул на небо. Журналистка посмотрела вверх, а там, на синем фоне проявлялись сочные линии.

После дождя обязательно бывает радуга. Просто нужно суметь её разглядеть, а ещё важнее – успеть её увидеть, поскольку вечная гонка не позволяет делать остановки.

Пока, друг!

*...Не люди то, а только тени
Отверженников родины своей...*

В. М. Гаршин

«Модно быть эмигрантом. Сегодня уже модно», – подумала Настя, разглядывая в кучке прогуливающих по пражской Стромовке туристов и местных своего одноклассника. Когда-то папа рассказывал ей, что эмигрантам жилось несладко, даже отвратительно. Если сказать честно, то весьма паршиво. Тоска по родине и всё, связанное с борьбой за выживание, за отстаивание собственного имени, души и надежды, разъедало человека. Не жизнь... Вечность ада, умноженная на тысячи знаков ненависти, пренебрежения, унижения, боли, печали. Но то раньше было, в прошлом потерявшемся веке. Сейчас другое время. Конечно, в нём отсутствует спокойствие. И всё-таки перспективы есть всегда. Просто нужно научиться их обнаруживать.

Шесть лет Настя Корнева обитала в чешской столице. «Прекрасный город» – так называла она Прагу. Удостаивала комплиментом, когда наблюдала за пешеходами, спешащими вдоль очаровывающих архитектурных построек. Ей повезло здесь. Иногда она сама себе завидовала. Не всем светит солнышко одинаково. Насте оно улыбнулось. Отличный дизайнер бижутерии. Впрочем, Корневой больше нравилось слово «создатель», чем «дизайнер». Да, она создательница приукрашивающих изделий, вдруг загрустившая сильно-сильно по русской земле. Тонкие чувства в 21 веке казались ей смешными. Однако она хотела вернуться домой. В Екатеринбург. Мысли только об этом сопровождали её последний месяц весны.

Пражскую съёмную квартиру нельзя назвать домом. После работы, когда все расходились по жилищам, Корнева никогда не говорила: «Иду домой», неизменно повторяла: «Направляюсь к себе». Дом – это не там, где неплохо складывается. Дом – это, где родители рядом.

Настя внимательно рассматривала Мишу Чернякова, своего одноклассника. Следила за его движениями. Тормозила себя на слишком дерзких мыслях. Восстанавливала в памяти привычки. «Что он тут делает? Зачем приехал в Прагу? Путешествует или подался, как и я, в эмигранты? А может, и вовсе стал иммигрантом? И для чего нужно это ПМЖ?» – думала она. Она вспомнила, что сейчас не одна. Слева шёл её чешский друг Франтишек. «Интересно, Мишка узнает меня?» – размышляла Корнева. Не хотела бы она с ним видаться, но они двигались навстречу. Избежать друг друга не предвиделось.

– Настя, что ты решила с предложением? – спросил внезапно Франтишек.

Корнева вздрогнула. «Надо же ему было снова напомнить мне о том, что и так мучит меня. Не решила и не хочу решать», – промелькнуло в голове девушки. Франтишек имел в виду, конечно же, не предложение руки и сердца. Нет. Он как верный друг переживал за Настю. Беспокоился о её грусти и невероятном желании вернуться в Россию. Франтишек обрадовался, когда Корнева наконец-то отважилась и радостно ему объявила: «Возвращаюсь домой. Будем общаться с помощью скайпа, электронки и редких звонков». Чеху было тяжело расставаться с Настей. Она нравилась ему. Нет, он не любил её. Просто хороший друг и всегда с правильными советами. Однако он понимал, что жить в чужой стране очень трудно. Постоянное одиночество выводит из себя. И лучше ей уехать домой.

Только на следующий день Корнева позвонила ему и выбила из колеи.

– Представляешь, Франтишек, я уже собирала вещи. Но мне... Как же это сказать? Ну, мне тут позвонили. И... Мне сделали очень выгодное предложение из одной известной пражской фирмы. Как пишется название, представляю, а вот выговорить правильно не смогу. Ты же знаешь, как мой чешский далёк от совершенства. Нагромождения согласных и всякие шипящие иногда меня пугают. Прости, отвлекаюсь. Дело-то грандиозное! В общем, мне предло-

жили создавать для этой фирмы свои авторские украшения. Это замечательно! Правда, замечательно, Франтишек?

– Не знаю, – честно ответил Франтишек.

– Как не знаешь?

– Ты хотела вернуться домой.

– Но я же дизайнер и мои украшения будут выгодно продаваться! Значит, и зарабатывать я буду больше!

– А родина? Слово, в котором для тебя нет букв.

– Франтишек, не обижай меня. Тебе отлично известно, что это не так, – сказала Настя и вздохнула. – Я запуталась.

– Я так и подумал.

– Что мне делать? Мои изделия будут знать не только в эмигрантских русскоязычных кругах, но и во всей Чехии, а может быть, и в других странах.

– Настя, это жадность.

– Это не жадность. Это попытка найти своё место, занять его. Слушай, не смей мне указывать.

– Зачем тогда мне позвонила?

– Ты единственный друг. То есть не совсем единственный. Я имела в виду, что ты один меня правильно понимаешь. Мне это очень важно и нужно.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Так что? Что ты мне подскажешь?

– Отказаться и ехать.

– Ты с ума сошёл!

– Тогда решай сама.

Прошла неделя. Корнева с Франтишекком прогуливалась в любимом парке. В сумасшедшей привлекательности Стромовки клочкотала насыщенная тишина, несмотря на то, что в этом потрясающем месте отдыха людей всё прибывало и прибывало. Шум потихонечку пробивался, старался выйти в финал, но бесконечная безмятежность деревьев и пруда опережала. Сказывалось многовековое лидерство. Послезавтра необходимо дать ответ. Фирма ждёт, а решение ещё не принято.

– Корнева? Ты? – раздался оглушительный голос Миши Чернякова.

– Я. Привет, Мишка. Не верится, – ответила Настя.

– Да. Михаил Черняков, к вашим услугам.

– Миша. Это Франтишек, мой хороший, нет, мой лучший друг. Франтишек, это Миша, мой одноклассник, бывший одноклассник.

– Приятно с вами познакомиться, – сказал Франтишек.

– Ага, мне тоже, – язвительно произнёс Черняков.

– Настя, тебе нужно поговорить со своим одноклассником. Вы ведь давно не виделись. Я пойду, – почти прошептал Франтишек.

Девушка рассказывала о себе, ни на минуту не затихая. Через полчаса Черняков знал о пражской жизни Насти всё. В школе они любили друг друга. Но какая любовь в школе? Влюблённость, окутанная цветочно-романтичным ароматом, который быстро исчезает, лишь подует ветер. Чем больше они делились впечатлениями, тем сильнее проникала в сознание та наивность, ничего общего не имеющая со словом «любовь».

Поздним вечером Настя позвонила Франтишеку.

– Я остаюсь, – громко проговорила Корнева.

– А родной дом, в который ты так мечтала возвратиться! – удивился Франтишек. Впрочем, он предполагал подобный исход встречи с одноклассником. Точно Черняков убедил её.

Не понравился он ему. Глаза ехидные, несерьёзный парень, всем своим видом выдаёт легкомысленность.

– Я люблю Мишу. Всегда любила. Он тоже любит меня. Представляешь, он уже два года живёт в Праге. А встретились мы только сегодня. Чудеса! Поскольку мы оба обитаем в чешской столице, значит, назад дороги нет. Нельзя вернуться в прошлое. Это будет ошибкой. К тому же я теперь сотрудничаю с известной фирмой. Я позвонила им и дала согласие. Завтра подписываю контракт на поставку своих авторских украшений. Почему ты молчишь?

– Удачи тебе, – ответил Франтишек. Голос звучал спокойно, но в душе его в яростном ритме плескалась лава, нервный стон которой слышался во всём теле.

– Пока, друг!

Ожидая радугу

Несказанно красивый закат в тот вечер будоражил воображение. Небеса глядели на неё каким-то умиротворённо-восторженным взором, словно собирались произнести: «Посмотри, как чудесно жить! Просто жить...». Деревья приобрели красноватый оттенок. Почудилось, что весь мир стал пурпуровым вареньем, в которое так и хотелось окунуться, так и хотелось его съесть. Анжела любовалась видом, открывавшимся с того места, где она сейчас находилась. А место потрясающее – комната, из которой она не выходила, если не учитывать пару дней, вот уже год.

Последние триста шестьдесят три дня тридцатилетняя Анжела сидела в своей спальне и, казалось, обитала в каком-то своём пространстве, куда не было доступа другим «живым». Эти другие «живые» не понимали, как можно заточить себя, абсолютно здоровую молодую, ещё, женщину в четырёх кирпичных стенах. Какие они глупые! Они видели оболочку – её внешность, и думали, что с ней всё в порядке. И никто из них не догадался, не попытался раскусить верхушку, чтобы узнать, а что же внутри? Тогда, вероятно, они ужаснулись бы открытию. Они увидели бы, что её душа в лохмотьях, что она почти жива. «Почти» было любимым словом Анжелы. Всегда на вопрос: «Ну, как у тебя всё в порядке?», она неизменно отвечала: «Почти». Она скрылась ото всех на год, заперлась в своей комнате как зверёк в норке, мечтая о том, чтобы её никто не тревожил. Тем не менее, её беспокоили. Родители переживали за неё, но ничем не могли ей помочь. Лишали покоя и так называемые друзья, которых она сама именovala как другие «живые». Никто не мог понять её. Никто. Это у неё умер муж, а не у них. Куда же им вникнуть в боль! Такое не представишь. Почти год Анжела жила одна после смерти любимого мужа в крохотной квартире, в которой всё напоминало о нём. Его вещи, его книги, его часы. Кстати, о часах. Юра вечно по утрам забывал надеть их, и Анжела уже на дверях, провожая его, вспоминала о них и приносила ему. Даже сейчас она может, зажмурив глаза, представить, как он надевал эти часы с металлическим браслетом на свою левую руку. Ей кажется, что она слышит щелчок – это Юра звякнул застёжкой. О, Господи! Как невыносимо всё помнить и знать, что это только в её голове осталось, а наяву так больше не будет! Никогда. Она больше никогда не подаст ему эти часы. Он никогда больше вечером не придёт с работы, не чмокнет у порога в щёку, не обнимет и не скажет: «Как же я соскучился, моя дорогая Энжи!».

На протяжении этого года её поддерживали, как могли. Но разве может женщине стать легче, если ей сказать, что «ты не одна, что у многих умирают мужья, но они всё же не киснут из-за этого как ты, а продолжают жить и ты тоже должна обрести себя вновь». Это часто повторяла ей Настя, её подруга. Анжела дружила с ней со студенческих лет, но понимала, что Настя – никакая ей не подруга, тем более близкая, как та наивно полагала. Просто знакомая, хорошая знакомая, поскольку настоящая подруга никогда так не утешала бы. Не почувствовать Насте то, что испытывала Анжела после потери мужа – холодное одиночество. Настя давным-давно развелась и жила уже много лет одна. Но ей нравилось существовать постоянно в одиночестве, поэтому она не совсем понимала, о какой тяжести тишины упоминала её подруга. Анжела едва выносила ожидание Юры, когда он был жив. А теперь она знала, что он никогда не придёт, и от осознания этого ей становилось ещё хуже.

Анжела вздрогнула от резкого дверного звонка. «Надо отключить этот чёртов звонок. Он сводит меня с ума. Ну, сколько раз просила не приходить ко мне. Так нет, идут же. Наверняка, пришла другая „живая“ навестить меня. Кто на этот раз? Надеюсь, не Настя», – подумала Анжела, вставая с постели, на которой уже часа три лежала неподвижно. Она смотрела в потолок, и часто её взгляд задерживался на лиловой люстре в виде цветка. Юра подарил эту

люстру на их десятую годовщину. Это событие состоялось больше года назад, а потом вскоре случилось то, что нельзя исправить.

– Анжел, ну как ты? Держишься? – спросила с порога Марина. Пришла вторая подруга, на этот раз действительно близкая, поскольку Марина была замужем, и её муж значился хорошим другом Юры. Они-то и познакомили двух молодых женщин. Их семейная дружба длилась примерно восемь лет. Марина искренне жалела Анжелу и хотела во что бы то ни стало вернуть подругу к нормальной жизни, жизни без слёз.

– Почти, – тихо ответила Анжела. В её глазах появились слёзы. Она вспомнила, что Юра никогда не звонил в дверь, а всегда стучал, чтобы не напугать её.

– Анжела, сегодня я пришла к тебе с серьёзной миссией, – сказала Марина, когда они присели на диван.

– Марин, что ты задумала?

– Только то, что пойдёт тебе, да и мне на пользу. В общем, приводи себя в порядок и идём.

– Куда? Я никуда не пойду.

– Ну-ну, перестань. Энжи, мне нужна твоя помощь. Я очень рассчитываю на тебя.

– Что случилось?

– Ты пойдёшь со мной и поможешь мне выбрать сумку.

– Марин, ты сама знаешь, какая сумка тебе нужна. Тут я тебе не советчик. К тому же не могу никуда идти, когда Юры...

– Анжела, дорогая, я сочувствую тебе от всего сердца. Но время идёт, и ты должна поверить в то, что Юра больше не вернётся. Это, конечно, ужасно. Нам его тоже безумно не хватает. Только пойми, что Юра был бы огорчён твоим неважным видом.

– А Настя вчера мне сказала, что я прекрасно выгляжу.

– Кому ты веришь? Насте абсолютно наплевать на всех. Она думает лишь о себе. У тебя такие круги под глазами, что мне больно смотреть. Ну-ну, не плачь, это дело поправимое. Сделаем сногшибательный макияж и вперёд, на улицу. Собирайся.

– Марин, я не хочу и не могу.

– Ты должна. Только давай для начала произведём уборку квартиры. Нужно избавиться от хлама.

Анжела окинула комнату неуверенным взглядом, и заметила, что собралось столько пыли, что просто кошмар! Её квартира, когда-то уютная и светлая, превратилась в мрачный замок, по углам которого висела чудовищная паутина. Ещё немного и здесь будут носиться летучие мыши. Марина подошла и раскрыла тёмно-вишнёвые шторы.

– Смотри, как светит солнце! А у тебя как будто вечно тянется ночь. Так не должно быть, – проговорила подруга.

Анжела подошла к окну и увидела людей, автомобили, которые куда-то спешили. Всё находилось в движении, и она подумала: «Я ведь тоже живая, и я тоже должна двигаться. Например, можно пойти за новой книжкой в магазин, зайти в кондитерский отдел и купить конфет, да и много чего сделать. Ах, да, Марина просила помочь выбрать ей сумку. Не могу же я быть бесчувственной по отношению к тем, кто добр ко мне».

– Марин, спасибо тебе за заботу. Я пойду с тобой и помогу тебе выбрать сумку, но только не сегодня. Сегодня у меня дела. Нужно привести в порядок квартиру, и себя заодно. А завтра я с удовольствием (она ещё раз произнесла это слово про себя, так как оно давно не использовалось ею) составлю тебе компанию в магазин.

– Ты обещаешь? Может, всё-таки помочь тебе с уборкой?

– Обещаю. Ещё раз благодарю за всё, но я справлюсь сама. Правда.

Квартира сверкала чистотой, да и сама хозяйка её выглядела посвежевшей после приёма душистой ванны. На столе лежала стопка бумаг, которую во время уборки собрала Анжела, но не решилась сразу выкинуть, не просмотрев, что там. Приближался вечер, и женщина, при-

сев в кресло у окна, стала разбирать записи. Оказалось, давным-давно позабытые выписки из журнала с рецептами и ещё всякой всячиной. Ничего важного, но Анжеле это захватило, и она настолько зачиталась, что не успела удержать в руках все листы, и часть пачки выскользнула, и бумажки распластались по полу. Она села на колени, чтобы собрать, как вдруг среди них увидела конверт. На нём значилось: «Дорогой Анжеле с любовью». И это был почерк Юры. «О, Господи! Неужели Юра оставил мне письмо? Неужели он написал его перед своим уходом?» – прошептала Анжела, и слёзы по привычке полились по её щекам, как дождевые капли по стеклу. Она осторожно открыла конверт и вынула письмо.

Любимая, мне горько писать, но я пишу. Сегодня я узнал точно, что скоро умру. Представляешь, как смешно и страшно точно знать, что умрёшь? Понимаешь, что вся фишка кроется в этом правильном слове «точно»? От него зависит самое-самое, то есть жизнь. Ладно, я отвлёкся, потому что неважно чувствую себя в последние дни, особенно в последние дни. Так вот, дорогая, я сегодня узнал, что скоро исчезну навсегда, меня сотрут с лица земли и больше не будет на свете меня, Юры Гришина. Я пишу об этом, потому что должен написать, чтобы излить свою боль. Моя боль заключается не столько в том, что я исчезну очень-очень скоро, а в том, что я как предатель оставляю тебя, мою любовь, а ведь мы давали друг другу клятвы и главную – не предавать. Я не хочу, чтобы, когда я..., ты мучилась бессмысленными терзаниями, плакала, я не могу даже представить, моё сердце раньше времени разорвётся, если я представлю в твоих голубых глазах слёзы. Пусть всегда в них будет ясное небо, пусть никогда в них не застынет пасмурный день. О, видишь, я заговорил, как поэт, на что только не толкнёт время, которое бежит и бежит. Наверное, недели через две я... Ну, что ж, моя участь уже решена, и я не смею ей сопротивляться, да и как бы я посмел в своём-то положении: в левой части всё больней и больней с каждой секундой, но я терплю и тебе не говорю. Зачем? Я не смогу вынести пасмурный день в твоих глазах. Так вот, моя дорогая, тебе ничего не сообщили, ничем не испугали, поскольку я попросил ничего тебе не говорить, наоборот, еле уболтал, чтобы «в белом халате» сказал тебе, что мне намного лучше, и что скоро я поправлюсь. На самом деле «скоро я поправлюсь» означает «скоро я отправлюсь на...». В последние дни я много думал. В общем, я хорошенько всё обдумал и решил, что не смогу скрыть от тебя это. Мы ведь всегда говорили друг другу правду. У нас не было и не будет никаких секретов. Я и посчитал, что ты на меня обидишься, если я не расскажу тебе всё сам, пусть хоть письменно. Вот я и предпринял последнюю (всё в это время делается в последний раз, в последние дни, и я сам последний, будь я проклят за всё), в общем, последнюю попытку искупить свою вину, и я пишу тебе, эх, чёрт, последнее письмо. Я знаю, что ты его никогда не найдёшь, я его надёжно спрячу, но когда-нибудь, когда ты обо мне забудешь, оно неожиданно всплывёт в твоей жизни и ты вспомнишь меня и мою бесконечную любовь, ты простишь меня, хотя я так и представляю как ты, читая это, немного нахмуришь брови, и скажешь: «Как ты можешь так говорить! За что простишь тебя? Это ты должен меня простить». Знаю, поэтому продолжаю. Просто прости и выполни одну мою просьбу. Я не хотел бы тебя обременять, но это нужно и тебе, и мне. Слушай меня внимательно. Я диктую три правила, которые ты отныне будешь соблюдать, если любишь меня, конечно. Но ты любишь меня так же сильно, как и я тебя, поэтому ты исполнишь то, о чём я тебя скромно прошу. Во-первых, не плачь, пожалуйста. Я представляю, как тебе плохо и всё же искренне прошу, чтобы сейчас ты выплакалась в последний раз, и больше ни одной слезинки. Мне будет так спокойней. Ты же хочешь, чтобы мне было хорошо и спокойно? Если ты в эту секунду прошептала «да», то, умоляю, не плачь больше никогда. Во-вторых, подойди к окну и посмотри, как чудесно жить! Просто жить... Мне кажется, что ты видишь закат. Я и сам чувствую, что это вечер, и что закат очень красивый, ярко-красный. Любуйся всем этим миром. И, в-третьих, пожалуйста, ходи каждый вечер гулять в парк и часто поглядывай

вай на небо. Я хочу, чтобы ты увидела радугу. Представляешь, моя дорогая, я за всю жизнь так и не увидел радуги. Только на картинке в какой-то детской книжке, а живьем нет. Мечтал много раз об этом, ждал радугу, но её не было. Может, тебе повезёт, и ты увидишь её. Но я не грущу из-за этого. Ведь ты стала моей радугой по жизни, и я счастлив. Я счастлив, потому что люблю тебя! Но ты, обещаю, что выполнишь мою последнюю просьбу? Я буду наблюдать за тобой. Скажи, да.

Твой Юра.

Анжела улыбалась, когда говорила «да». Она не будет больше плакать. Она будет гулять. Она развеет свою грусть по ветру. Она увидит радугу. Ведь она обещала. И мир пурпуровым вареньем так ласково смотрел на неё через окно.

Она перевернула листок, и на обратной стороне вновь увидела дорогой сердцу почерк.

И ещё напоследок. Не бойся начать заново жизнь без меня. Не бойся полюбить. Не бойся ничего.

На следующий день Анжела отправилась с Мариной по магазинам. В итоге сумку купила не только Марина, но и Анжела. Они также заглянули в бутик модной одежды, и пакеты пополнились новыми платьями. Вечером Анжела прогулялась по парку, и всё смотрела на небо, и среди облаков пыталась разглядеть Юру. Она хотела увидеть его улыбку. Она знала, что он знает, что она выполняет его просьбу. Утром она позвонила маме и напросилась в гости. Отец стоял рядом, и, услышав, что звонит дочь, и что она, судя по голосу и знакам жены, не грустит, подпрыгнул от счастья и побежал накрывать на стол. Это было настоящим чудом, поскольку целый год родители не могли вытянуть свою дочь из дома и то и дело звонили ей, чтобы узнать как она. А теперь она сама позвонила и захотела прийти! Слава Всевышнему! После семейного обеда, где за столом родители всячески смешили Анжелу, не давая ни на минуту уйти в себя и вспомнить Юру, молодой женщине стало легче.

Каждый вечер она ходила в парк и долго-долго бродила, вдыхая ароматы цветов и впитывая в себя воздух, которым, как ей казалось, она не дышала вечность. Прошёл месяц. В середине августа начались дожди. В мире ощущалась осень, но Анжела не грустила. Ожидая радугу, она позабыла обо всём. Ей нравилось наблюдать за миром. Она восхищалась каждым деревом и каждой капелькой, прыгавшей с неба. И вот в один серый день, который уже клонился к вечеру и который покрывал дождь, Анжела отправилась в парк. Около часа она прохаживалась под зонтиком, когда, наконец, заметила, что небо разъясняется и выглядывает солнце. В эту самую минуту она закрыла зонтик и увидела радугу. «Радуга! Юра, я вижу радугу! Она прекрасна, жёлто-зелёно-красная, и какие оттенки красивые, такие сочные», – проговорила про себя Анжела и вдруг обратила внимание на то, что она не одна любит радугу. Рядом стоял незнакомый мужчина и смотрел на небо. Он взглянул на Анжелу и сказал:

– Дивная радуга! И видя её, кажется, что так чудесно жить. Не правда ли?

– Да. Чудесно жить. Просто жить, – ответила Анжела.

Застывшая радость

Говорить о прошлом очень трудно. Глаза начинают сверкать слезами, как звёзды, слегка прикрытые туманно-прозрачной накидкой. Признаки ностальгии хочется скрыть. Ведь сентиментальность вызывает чувство стыда. Странно, что нас смущают вполне нормальные качества. Мягкость, честность, искренность, слабость... Быть слабым – это не позор, поскольку в любом виде слабости есть внутренняя сила духа. Она почти незаметна, но она есть. Значит, восприимчивостью, отличительным признаком того, что сердце находится на своём месте, стоит ещё и гордиться. И пусть с каждым годом жизнь становится грубее. За твёрдым металлом иногда скрывается тонкое стекло. Оно сродни карманному зеркальцу, которое может лопнуть, если сильно сдавить его пальцами. Излишняя чувствительность мешает обитать в современном обществе. Невыносимо находиться в теле, чьё жгучее состояние приправлено страхом и смутной болью. Только, что толку об этом кричать? В другого человека нельзя превратиться.

Света сидела на скамье возле подъезда. Она тревожно следила за дверью с домофоном, который время от времени издавал мелодию, когда кто-то входил или выходил. Она ждала пожилого мужчину. Напряжённо вглядываясь в проходившие мимо фигуры, Светлана Зубкова думала о будущем разговоре: «А если он, вообще, не вспомнит меня? Скажет, навязывается из-за наследства. Оно-то мне нужно в самую последнюю очередь». Молодая женщина посмотрела на часы, которые обнимали левое запястье. Половина первого. Скоро она увидит его. После обеда он всегда выходит на прогулку, особенно весной. А сейчас царил солнечный апрель со сладковатыми ароматами в воздухе. «Надо придумать с чего начать. Как же спросить?» – кончики пальцев дрожали от волнения, и Света отчаянно сжимала кулачки. Не помогло. Не придавало уверенности. «Господи, ну, что я здесь делаю? Зачем я его жду? Разве мне станет от этого легче? Конечно, нет. Тогда для чего искала?» – мысленно мучилась Зубкова.

Подъездная дверь громко хлопнула. Седой мужчина в чёрном пальто с газетой в руке зашагал к скамье. Светлана взглянула на него с любопытством: «Он? Может быть». Через пару минут домофон снова заиграл. На асфальте появились две тени, принадлежавшие старикам. Они уселись напротив и завязали между собой беседу, похожую на клубок ниток, из которых две спицы – старички сплетали тёплый шарф воспоминаний. Яркое молчание соседней лавочки их нисколько не занимало. Света не решалась спросить. Испарился час. Чувствуя бесполезность просиживания, она поднялась.

– Вы ко мне пришли? – услышала она вслед.

Зубкова оглянулась. Вопрос задал седой мужчина в чёрном пальто.

– Я... Не знаю. Мне нужен... Я ищу... – Светлана пыталась сформулировать ответ.

– В нашей семье свои желания всегда выражали чётко. В кого вы такая? Явно не в меня, – произнёс он.

Его слова поцарапали душу женщины.

– Почему молчите? Вы меня искали? Отца, которого никогда не видели? Да?

– Да, – тихо-тихо проговорила Света.

– А зачем?

– Ну, вы же... Надо знать и...

– Сколько вам лет? Тридцать? Нет. Поменьше. Наверное, до тридцати.

– Двадцать девять.

– Ага. Припоминаю. Уже не девочка. Впрочем, я девочкой тебя и не помню. Когда-то твоя мать прислала мне фотографию, твою. Тебе только исполнился годик. А я не сохранил, когда переезжал. Жалко. Однако не смертельно.

«Какой же он чёрствый! Не сохранил фотографию родной дочери. И не грустит об этом. Говорит с беспечностью, а я... Я столько плакала о нём. Все его фотографии вставила в краси-

вые рамки. Сколько слёз из меня вытекло, когда я вспоминала его!» – думала Зубкова, искоса поглядывая на отца.

- Ты довольно необщительная. Если искала меня, то Расскажи причину.
- Неужели, чтобы встретиться с родственником, нужна причина?
- В любом деле должна быть определённая цель.
- А как же чувства? Просто чувства? Привязанность, любовь, тоска?
- Не смеши. Я не верю в этот детский лепет. Ты взрослая женщина, а болтаешь чепуху.
- А может быть, из-за вас я навсегда останусь маленькой девочкой, ищущей счастья?
- Откуда эта наивность? В нашем роду всегда были прагматики, люди с рассудком. Или

ты сменила фамилию? Потому стала другой?

– Нет. Не сменила. Я Светлана Зубкова. Светлана Юрьевна.

– Отчество незачем упоминать, тем более в твоём возрасте. Оно не даёт никаких преимуществ. А что, ты ещё не замужем?

– Нет.

– Почему?

– Не хочу.

– Чудная ты. А кем работаешь?

– Я поэт.

– Что?

– Пишу стихи.

– Разве это работа?

– Это творчество. Это мой образ жизни. Я живу искусством.

– Ты больная. Зубковы всегда славились аналитическим умом. Цифры важнее всего.

А кто такие эти творцы? А? Нерабочие морды.

Свете захотелось плакать. Она надеялась, что отец обрадуется ей так же, как и она ему. Хотя радость совсем не весёлая, а холодная. Радость, подобная фрукту, от которого ждёшь умопомрачительно-приторный вкус, а потому вгрызаешься в него с улыбкой предстоящего блаженства. Обманутая надежда. Кисловатый привкус. Обидно. Ещё Зубкова мечтала рассказать ему о сборнике стихов, который вышел месяц назад и был тепло встречен читателями, критиками.

– Знаете, а мне трудно называть вас отцом. Слово «папа» несёт в себе что-то надёжное, светлое. Он защищает своего ребёнка, поддерживает во всём. А вы даже не понимаете того, что я говорю вам. Или вам действительно неинтересно со мной встретиться спустя почти тридцать лет, или у вас отсутствует в голове элементарная культура. Вы задаёте мне вопросы, но не смотрите на меня, а продолжаете читать газету. Там и, правда, лучше информация, чем та, которую вам сообщают здесь и сейчас?

– Ты, кажется, проснулась?

– Я не спала. А вы, видимо, находились в затяжном обмороке. Прощайте!

– Удачи! Хочешь знать, что я читал в газете?

Светлана остановилась: «Что ещё он может мне сказать? Что важного?».

– Рецензию на твою книгу, – проговорил седой мужчина в чёрном пальто.

С застывшей радостью на лице Зубкова медленно удалялась от скамьи, от отца, от дома.

Профиль ангела

Зимний вечер приближался уверенной, чересчур смелой походкой. Он спешил завернуть во мрак всё, что встречалось на пути. Миссия выполнялась строго по расписанию, и иссиня-чёрное одеяло окутывало город. К счастью, ненадолго. Зажигались фонари. Они разрушали темноту, поглощая в себя устрашающий вид. Свет маленьких электрогирлянд превращал холодные бесконечные улицы в уютные праздничные магазинчики, по которым хотелось бродить даже в жуткий мороз. Особенно яркой, невыносимо красивой становилась площадь имени Ленина. По веткам деревьев стекали голубые и зелёные капли. Подобный эффект создавали специальные огоньки. Может быть, для кого-то наступало время счастья – встречи с родственниками, долгожданные семейные ужины, весёлые прогулки с любимыми... Но для Натальи скорое столкновение с ночью означало пытку души.

После смерти мужа прошло два месяца. Говорят, время лечит. Только минувшие шестьдесят дней не изменили жизнь Натальи Помельниковой. Её сердце плакало. Душа билась в истерику. Слабое тело, истощённое переживаниями, еле слушалось команд разума. Впрочем, и не все команды оно осуществляло. Разве что дрожащие ноги вели на работу, которую она теперь ненавидела.

Наташа овдовела в двадцать восемь лет. Обожаемый Алексей – её муж – покинул мир именно в тот день, когда она узнала, что ждёт ребёнка. Их брак длился всего полгода. Временной отрезок, в котором они радовались вдвоём, был самым чудесным и очень коротким. Они ведь не могли предположить, что так внезапно расстанутся. Судьба подарила любовь, а потом почему-то забрала свой сувенир. Посчитала, что достаточно отрадного мгновения. Пора жить с болью. Пора привыкать к вечной грусти. Жизнь и, правда, стала для Помельниковой болью. Причём болью двойной. Когда ей позвонили и сообщили, что «мастер цеха окомкования Помельников Алексей Владимирович трагически погиб в шахте», Наташа завизжала и резко схватилась за живот. Испуганные женщины, бросив кисточки в ведра с краской, побежали к ней.

– Что случилось? – прокричала громко одна из них. – Тебе плохо? Ты только сегодня узнала о малыше. Всё было в порядке. Не пойму.

– Не говори ерунду. Ты же видела, что Натка говорила по телефону. А сейчас вон плачет, – произнесла вторая сотрудница.

Они не успели вытянуть из Помельниковой ни слова. Наталья рухнула в обморок. Очнувшись через несколько часов в палате, она увидела их заплаканные лица. И поняла, что ей придётся вынести ещё и этот удар.

«Бедная. Одной предстоит бороться. Без мужа, без ребёнка. Как она выдержит? Ужас», – шептались на похоронах. Потерянная фигура не вникала в смысл слов сожаления. Не понимала произошедшего. Ей чудилось, что она спит. Придёт утро и дурной сон исчезнет. Дни сменяли ночи, а ночи – дни. Туманная тревога продолжала рыться в сердце. Помельникова не могла поверить. Она убеждала себя, что её обманывают, заставляют бояться. Жильё выдавало её нынешнее положение. Накрывшее с головой одиночество сводило с ума. Трудно признать факт фактом, если видишь в нём человека, который не должен там быть. Её первая любовь, её Лёша, её счастье. Мимолётное счастье. И сынишка, к которому привыкла за те несколько часов, что знала о нём. Возможно, не сынишка, а дочка. Неважно. Отныне уже неважно. Никого не будет. Ни сына, ни дочки. Мужа тоже не будет. Вселенная сломала её единственный брак. Молодая вдова преодолевала сольные часы существования. Снова вышла на работу. Красила стены без прежнего энтузиазма. Главное – покрасить и уйти подальше от сочувственных взглядов и подбадривающих слов, от искренних улыбок и активных разговоров, и, конечно, от смеха. Люди хохотали от забавных историй. Помельникова не имела права осуждать. В их жизни всё

в порядке. Это она выпала из машины. Они едут дальше. Её поездка закончилась. Тяжелее всего давалась мысль о том, что Лёшка не узнал о малыше. Поженившись, они спорили, придумывая имена.

– Если у нас когда-нибудь будет мальчик, то назовём его Алексеем, – говорил муж.

– Ни в коем случае. Нельзя называть дитя в честь папы или мамы. Один из них должен уйти. Понимаешь? Страшно, – забеспокоилась тогда Наталья.

– Неужели ты не хочешь, чтобы сына звали, как и меня?

– Не хочу.

– Нат, а если бы меня не было, ты бы назвала его в честь меня?

– Что ты такое говоришь? Зачем пугаешь? Лёш, не надо!

– Я не пугаю. А так просто. Предупреждаю. Вдруг...

– Не смей произносить ничего плохого, – перебила его жена.

– Ладно. Когда родится, примем окончательное решение насчёт имени.

Слёзы полились из глаз. Станный диалог живо предстал перед женщиной. Воспоминания царапали как кошки, которых намеренно раздражали фальшивой игрой. Помельникова возвращалась с работы через площадь имени Ленина. Долго находиться здесь она была не в силах. Невыразимое веселье царило в развлекательном уголке города. Дети катались с горок. Взрослые фотографировались возле огромной ёлки, переливающейся радужными оттенками. Радость искрилась на лицах. Наташа провела перчаткой по щекам, стирая признаки слабости. Вместо того чтобы идти домой, лежать и прислушиваться к любому шороху, воображая присутствие супруга, она внезапно повернулась в противоположную сторону и отправилась в торговый центр.

Она заглядывала в каждый бутик. Серые глаза скользили по товару. Иногда вдова брала какую-нибудь вещь в руки и хмурила брови. Её серьёзное выражение внушало доверие. У Наташи возникло крошечное желание показать всем, что она действительно находится в данном пункте по делу. Словно она собиралась что-то покупать. Молодая женщина обманывала саму себя. Ей ничего не требовалось. И приобретать она ничего не хотела. Она сознательно двигалась со скоростью улитки, чтобы как можно меньше времени ей осталось провести дома до завтрашнего утра. Квартира вызывала у неё приступы отчаяния. Всё лежало на своих местах. Всё было по-прежнему. Никаких внешних изменений. Лишь хозяина нет.

Помельникова устала. Бесполезно ходить по магазинам, когда душа летает неизвестно где, а собственное сердце больше не принадлежит телу. Наташа поторопилась к выходу. Однако чей-то профиль привлёк её внимание. Она подошла к стеклу. Всматриваясь в красочную атмосферу салона подарков, она кого-то искала. Наконец она увидела его. И зашла внутрь.

Белый каменный ангел размером с двухлетнего ребёнка стоял на полке, украшенной искусственными букетами лиловых цветов, которые торчали из тёмно-зелёных листьев. Левая ручка небесного существа была поднята вверх. Он показывал знак. Вдова замерла. Она смотрела на него, не отрываясь в течение десяти минут. Умиротворённость разливалась под её кожей. Спокойствие влезало в душу, занимая мягкое кресло. Боль исчезала. Наталья взглянула на ценник.

– Четыре тысячи рублей. Ого, – прошептала она. Да, купить милого ангела она не в состоянии. Это же половина её зарплаты! Конечно, она бы взяла его, если бы у неё были деньги. Если бы у неё был муж. Теперь она вела самостоятельный образ жизни. Заработная плата делилась пополам. Одна часть уходила на оплату коммунальных услуг, а вторая – на всё остальное. Мучительно поджав губы, Помельникова покинула магазин.

На следующий день она снова пришла к ангелу. Сначала застыла в нерешительности за стеклом. Однако жажда взглянуть на прелестное создание тормозила её. И Наташа, отбросив сомнения, делала то, что ей нравилось. Новая любовь меняла её. Неясная привязанность к предмету помогала выживать, утешала. Любование хранителем на расстоянии в несколько

сантиметров выворачивало её личность наизнанку. Видеть ангела, его нежный, детский профиль превратилось в ежедневную цель Помельниковой. Эту цель она достигала. Она перестала терзать душу воспоминаниями. Она жила моментами встречи с ангелом. Он дарил ей ощущение покоя, свободы, надежды. Женщина открыла для себя, что ангел похож на дорогого мужа, которого потеряла навсегда и на бесценного малыша, который никогда не появится на свет. Жаль, что в свете немало теневых сторон.

Наталья понимала, что регулярное посещение салона подарков вызывает подозрение у продавцов. Тем не менее, она отпускала мысль страха и шла. Как-то даже купила безделушку, чтобы наглядно продемонстрировать ради чего совершается столь частый визит. Мол, она приходит сюда, чтобы выбрать что-то кому-то. Своеобразный роман со святой статуэткой длился уже три месяца. Но наступил вынужденный перерыв. После работы Помельникова мчалась помогать матери ухаживать за бабушкой, которая упала со стула, поправляя портрет на стене. Истекли две недели, и у вдовы освободились часы. Она знала, на что их потратить. Предвкушая удивительный профиль ангела, женщина с приятной улыбкой остановилась возле стеклянной витрины. Принялась искать его по привычке на той же полке с теми же цветами. Божественного создания не было. «Наверное, его переставили в другое место», – промелькнуло в голове. Обойдя весь магазин, она так и не нашла белую фигурку из камня.

– Скажите, а где ангел? Он стоял на полке. Продавался, – задала вопрос срывающимся голосом Наталья.

– Ангел? – переспросила продавщица, неохотно оторвав взор от монитора. – Его купили. Таких больше нет на складе.

С разбитым сердцем женщина вышла из салона подарков. Ей предстояло учиться жить без ангела, как прежде без мужа. А солнце в небе тянуло за рукав облако, пытаясь оттащить его назад, чтобы тоже взглянуть на землю и показать своё лицо.

Одинокое чувство

Каждый день человек принимает контрастный душ, где роль горячей воды играет любовь, а холодной – одиночество.

Сегодня Тимур подарит цветы в последний раз. Это будет его четвёртое и последнее предложение руки и сердца чрезмерно гордой и потрясающе красивой Яне. Вот уже три года как Тимур и Яна встречаются. Знойный брюнет и холодная шатенка смотрелись вдвоём шикарно. Красота объединяла. В них было много чего-то беззаботного и радостного, что притягивало. Ощущение удовольствия от жизни, как известно, заразно. И Тимур, и Яна подхватили эту болезнь. Веселились как дети и не знали, а, может, просто забыли, что в жизни есть предел всему. И любовь – олимпийская чемпионка – тоже сходит с дистанции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.